

К.М. Станюкович

Нянька

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С75

Станюкович К.М.

С75 Нянька / К.М. Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-2162-3

Морские рассказы Станюковича проникнуты волнующей романтикой моря как символа борьбы и свободы, красоты и смелости; в то же время они глубоко лиричны в своей любви к безграничным российским просторам. Недаром современники называли его Айвазовским слова.

ISBN 978-5-4241-2162-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К.М. Станюкович, 2021

Константин Михайлович
Станюкович
Нянька

I

Однажды вешним утром, когда в кронштадтских гаванях давно уже кипели работы по изготовлению судов к летнему плаванью, в столовую небольшой квартиры капитана второго ранга Василия Михайловича Лузгина вошел денщик, исполнявший обязанности лакея и повара. Звали его Иван Кокорин.

Обдергивая только что надетый поверх форменной матросской рубахи засаленный черный сюртук, Иван доложил своим мягким, вкрадчивым тенорком:

— Новый денщик явился, барыня. Барин из экипажа прислали.

Барыня, молодая видная блондинка с большими серыми глазами, сидела за самоваром, в голубом капоте, в маленьком чепце на голове, прикрывавшем неубранные, завязанные в узел светло-русые волосы, и пила кофе. Рядом с ней, на высоком стульчике, лениво отхлебывал молоко, болтая ногами, черноглазый мальчик лет семи или восьми, в красной рубашке с золотым позументом. Сзади стояла, держа грудного ребенка на руках, молодая худощавая робкая девушка, босая и в затасканном ситцевом платье. Ее все звали Анюткой. Она была единственной крепостной Лузгиной, отданной ей в числе приданого еще подростком.

— Ты, Иван, знаешь этого денщика? — спросила барыня, поднимая голову.

— Не знаю, барыня.

— А как он на вид?

— Как есть грубая матросня! Безо всякого обращения, барыня! — отвечал Иван, презрительно выпячивая свои толстые, сочные губы.

Сам он вовсе не походил на матроса.

Полнотелый, гладкий и румяный, с рыжеватыми намасленными волосами, с веснушчатым, гладко выбритым лицом человека лет тридцати пяти и с маленькими, заплывшими глазками, он и наружным своим видом и некоторою развязностью манер напоминал собою скорее дворового, привыкшего жить около господ.

Он с первого же года службы попал в денщики и с тех пор постоянно находился на берегу, ни разу не ходивши в море.

У Лузгиных он жил в денщиках вот уже три года и, несмотря на требовательность барыни, умел угождать ей.

— А не заметно, что он пьяница? — снова спросила барыня, не любившая пьяных денщиков.

— Не оказывает будто по личности, а кто его знает? Да вот сами изволите осмотреть и допросить денщика, барыня, — прибавил Иван.

— Ну, пошли его сюда.

Иван вышел, бросив на Анютку быстрый нежный взгляд.

Анютка сердито повела бровями.

II

В дверях показался коренастый, маленького роста, чернявый матрос с медною серьгой в ухе. На вид ему было лет пятьдесят. Застегнутый в мундир, высокий воротник которого резал его красно-бурую шею, он казался неуклюжим и весьма неказистым. Переступив осторожно через порог, матрос вытянулся как следует перед начальством, вытаращил на барыню слегка глаза и замер в неподвижной позе, держа по швам здоровенные волосатые руки, жилистые и черные от впитавшейся смолы.

На правой руке недоставало двух пальцев.

Этот черный, как жук, матрос с грубыми чертами некрасивого, рябоватого, с красной кожей лица, сильно заросшего черными как смоль баками и усами, с густыми взъерошенными бровями, которые придавали его типичной физиономии заправского марсового несколько сердитый вид, — произвел на барыню, видимо, неприятное впечатление.

«Точно лучше не мог найти», — мысленно произнесла она, досадуя, что муж выбрал такого грубого мужлана.

Она снова оглядела стоявшего неподвижно матроса и обратила внимание и на его слегка изогнутые ноги с большими, точно медвежьими, ступнями, и на отсутствие двух пальцев, и — главное — на нос, широкий мясистый нос, малиновый цвет которого внушил ей тревожные подозрения.

— Здравствуй! — произнесла, наконец, барыня недовольным, сухим тоном, и ее большие серые глаза стали строги.

— Здравия желаю, вашескобродие, — гаркнул в ответ матрос зычным баском, видимо, не сообразив размера комнаты.

— Не кричи так! — строго сказала она и оглянулась, не испугался ли ребенок. — Ты, кажется, не на улице, в комнате. Говори тише.

— Есть, вашескобродие, — значительно понижая голос, ответил матрос.

— Еще тише. Можешь говорить тише?

— Буду стараться, вашескобродие! — произнес он совсем тихо и сконфуженно, предчувствуя, что барыня будет «нудить» его.

— Как тебя зовут?

— Федосом, вашескобродие.

Барыня поморщилась, точно от зубной боли. Совсем неблагозвучное имя!

— А фамилия?

— Чижик, вашескобродие!

— Как? — переспросила барыня.

— Чижик... Федос Чижик!

И барыня и мальчуган, давно уже оставивший молоко и не спускавший любопытных и несколько испуганных глаз с этого волосатого матроса, невольно засмеялись, а Анютка фыркнула в руку, — до того фамилия эта не подходила к его наружности.

И на серьезном, напряженном лице Федоса Чижика появилась необыкновенно добродушная и приятная улыбка, которая словно подтверждала, что и сам Чижик находит свое прозвище несколько смешным.

Мальчик перехватил эту улыбку, совсем преобразившую суровое выражение

лица матроса. И нахмуренные его брови, и усы, и баки не смущали больше мальчика. Он сразу почувствовал, что Чижик добрый, и он ему теперь решительно нравился. Даже и запах смолы, который шел от него, показался ему особенно приятным и значительным.

И он сказал матери:

— Возьми, мама, Чижика.

— Taiser-vous! ¹ — заметила мать.

И, принимая серьезный вид, продолжала допрос:

— У кого ты прежде был денщиком?

— Вовсе не был в этом звании, вашескобродие.

— Никогда не был денщиком?

— Точно так, вашескобродие. По флотской части состоял. Форменным, значит, матросом, вашескобродие...

— Зови меня просто барыней, а не своим дурацким вашескобродием.

— Слушаю, вашеско... виноват, барыня!

— И вестовым никогда не был?

— Никак нет.

— Почему же тебя теперь назначили в денщики?

— По причине пальцев! — отвечал Федос, опуская глаза на руку, лишнюю большого и указательного пальцев. — Марса-фалом оторвало прошлым летом на «конверте», на «Копчике»...

— Как муж тебя знает?

— Три лета с ими на «Копчике» служил под их командой.

Это известие, казалось, несколько успокоило барыню. И она уже менее сердитым тоном спросила:

— Ты водку пьешь?

— Употребляю, барыня! — признался Федос.

— И... много ее пьешь?

— В плепорцию, барыня.

Барыня недоверчиво покачала головой.

— Но отчего же у тебя нос такой красный, а?

— Сроду такой, барыня.

— А не от водки?

— Не должно быть. Я завсегда в своем виде, ежели когда и выпью в праздник.

— Денщику пить нельзя... Совсем нельзя... Я терпеть не могу пьяниц!

Слышишь? — внушительно прибавила барыня.

Федос повел несколько удивленным взглядом на барыню и промолвил, чтобы подать реплику:

— Слушаю-с!

— Помни это.

Федос дипломатически промолчал.

— Муж говорил, на какую должность тебя берут?

— Никак нет. Только приказали явиться к вам.

— Ты будешь ходить вот за этим маленьким барином, — указала барыня движением головы на мальчика. — Будешь при нем нянькой.

Федос ласково взглянул на мальчика, а мальчик на Федоса, и оба улыбнулись.

Барыня стала перечислять обязанности денщика-няньки.

Он должен будить маленького барина в восемь часов и одеть его, весь день находиться при нем безотлучно и беречь его как зеницу ока. Каждый день ходить гулять с ним... В свободное время стирать его белье...

— Ты стирать умеешь?

— Свое белье сами стираем! — отвечал Федос и подумал, что барыня, должно быть, не очень башковата, если спрашивает, умеет ли матрос стирать.

— Подробности всех твоих обязанностей я потом объясню, а теперь отвечай: понял ты, что от тебя требуется?

В глазах матроса скользнула едва заметная улыбка.

«Нетрудно, дескать, понять!» — говорила, казалось, она.

— Понял, барыня! — отвечал Федос, несколько удрученный и этим торжественным тоном, каким говорила барыня, и этими длинными объяснениями, и окончательно решил, что в барыне большого рассудка нет, коли она так зря «языком брешет».

— Ну, а детей ты любишь?..

— За что детей не любить, барыня. Известно... дитё. Что с него взять...

— Иди на кухню теперь и подожди, пока вернется Василий Михайлович... Тогда я окончательно решу: оставлю я тебя или нет.

Находя, что матросу в мундире следует добросовестно исполнить роль понимающего муштру подчиненного, Федос по всем правилам строевой службы повернулся налево кругом, вышел из столовой и прошел на двор покурить трубочку.

III

— Ну что, Шура, тебе, кажется, понравился этот мужлан?

— Понравился, мама. И ты его возьми.

— Вот у папы спросим: не пьяница ли он?

— Да ведь Чижик говорил тебе, что не пьяница.

— Ему верить нельзя.

— Отчего?

— Он матрос... мужик. Ему ничего не стоит солгать.

— А он умеет рассказывать сказки? Он будет со мной играть?

— Верно, умеет и играть должен...

— А вот Антон не умел и не играл со мной.

— Антон был лентяй, пьяница и грубиян.

— За это его и посылали в экипаж, мама?

— Да.

— И там секли?

— Да, милый, чтобы его исправить.

— А он возвращался из экипажа всегда сердитый... И со мной даже говорить не хотел...

— Оттого, что Антон был дурной человек. Его ничем нельзя было исправить.

— Где теперь Антон?

— Не знаю...

Мальчик примолк, задумавшись, и, наконец, серьезно проговорил:

— А уж ты, мама, если меня любишь, не посылай Чижика в экипаж, чтобы его там секли, как Антона, а то и Чижик не будет рассказывать мне сказок и будет браниться, как Антон...

— Он разве смел тебя бранить?

— Подлым отродьем называл... Это, верно, что-нибудь нехорошее...

— Ишь, негодяй какой!.. Зачем же ты, Шура, не сказал мне, что он тебя так называл?

— Ты послала бы его в экипаж, а мне его жалко...

— Таких людей не стоит жалеть... И ты, Шура, не должен ничего скрывать от матери.

При разговоре об Антоне Анютка подавила вздох.

Этот молодой кудрявый Антон, дерзкий и бесшабашный, любивший выпить и тогда хвастливый и задорный, оставил в Анютке самые приятные воспоминания о тех двух месяцах, что он пробыл в няньках у барчука.

Влюбленная в молодого денщика Анютка нередко проливала слезы, когда барин, по настоянию барыни, отправлял Антона в экипаж для наказания. А это частенько случалось. И до сих пор Анютка с восторгом вспоминает, как хорошо он играл на балалайке и пел песни. И какие у него смелые глаза! Как он не спускал самой барыне, особенно когда выпьет! И Анютка втайне страдала, соznавая безнадежность своей любви. Антон не обращал на нее ни малейшего внимания и ухаживал за соседской горничной.

Куда он милее этого барынина наушника, противного рыжего Ивана, который преследует ее своими любезностями... Тоже воображает о себе, рыжий дьявол!

Проходу на кухне не дает...

В эту минуту ребенок, бывший на руках у Анютки, проснулся и залился плачем.

Анютка торопливо заходила по комнате, закачивая ребенка и напевая ему песни звонким, приятным голоском.

Ребенок не унимался. Анютка пугливо взглядывала на барыню.

— Подай его сюда, Анютка! Совсем ты не умеешь нянчить! — раздражительно крикнула молодая женщина, расстегивая белую пухлую рукой ворот капота.

Очутившись у груди матери, малютка мгновенно затих и жадно засосал, быстро перебирая губенками и весело глядя перед собою глазами, полными слез.

— Убирай со стола, да смотри, не разбей чего-нибудь.

Анютка бросилась к столу и стала убирать с бестолковой торопливостью запуганного создания.

IV

В начале первого часа, когда в порту зашабашили, из военной гавани, где вооружался «Копчик», вернулся домой Василий Михайлович Лузгин, довольно полный, представительный брюнет, лет сорока, с небольшим брюшком и лысый, в потертом рабочем сюртуке, усталый и голодный.

В момент его прихода завтрак был на столе.

Моряк звонко поцеловал жену и сына и выпил одну за другой две рюмки водки. Закусив селедкой, он набросился на бифштекс с жадностью сильно проголодавшегося человека. Еще бы! С пяти часов утра, после двух стаканов чая, он ничего не ел.

Утолив голод, он нежно взглянул на свою молодую, приодетую, пригожую жену и спросил:

— Ну что, Марусенька, понравился новый денщик?

— Разве такой денщик может понравиться?

В маленьких добродушных темных глазах Василия Михайловича мелькнуло беспокойство.

— Грубый, неотесанный какой-то... Сейчас видно, что никогда не служил в домах.

— Это точно, но зато, Маруся, он надежный человек. Я его знаю.

— И этот подозрительный нос... Он, наверное, пьяница! — настаивала жена.

— Он пьет чарку-другую, но уверяю тебя, что не пьяница, — осторожно и необыкновенно мягко возразил Лузгин.

И, зная хорошо, что Марусенька не любит, когда ей противоречат, считая это кровной обидой, он прибавил:

— Впрочем, как хочешь. Если не нравится, я приищу другого денщика.

— Где опять искать?.. Шуре не с кем гулять... Уж бог с ним... Пусть остается, поживет... Я посмотрю, какое это сокровище твой Чижик!

— Фамилия у него действительно смешная! — проговорил, смеясь, Лузгин.

— И имя самое мужицкое... Федос!

— Что ж, можно его иначе звать, как тебе угодно... Ты, право, Маруся, не раскаешься... Он честный и добросовестный человек... Какой фор-марсовой был!.. Но если ты не хочешь — отошлем Чижику... Твоя княжая воля...

Марья Ивановна и без уверений мужа знала, что влюбленный в нее простодушный и простоватый Василий Михайлович делал все, что только она хотела, и был покорнейшим ее рабом, ни разу в течение десятилетнего супружества и не помышлявшим о свержении ига своей красивой жены.

Тем не менее она нашла нужным сказать:

— Хоть мне и не нравится этот Чижик, но я оставлю его, так как ты этого хочешь.

— Но, Марусенька... Зачем?.. Если ты не хочешь...

— Я его беру! — властно произнесла Марья Ивановна.

Василию Михайловичу оставалось только благодарно взглянуть на Марусеньку, оказавшую такое внимание к его желанию. И Шурка был очень доволен, что Чижик будет его нянькой.

Нового денщика опять позвали в столовую. Он снова вытянулся у порога и